

УДК 159.9
ББК 88
П 78

П 78 **Прогресс психологии: Критерии и признаки** / Под ред. А.Л. Журавлева, Т.Д. Марцинковской, А.В. Юревича. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. — 336 с. (Методология, теория и история психологии.)

ISBN 978-5-9270-0152-1

УДК 159.9
ББК 88

В книге рассматриваются вопросы о том, в чем состоит прогресс психологической науки, что ему препятствует, каковы его критерии и признаки. Обсуждаются и другие методологические проблемы, связанные с прогрессом психологии, — общеметодологические модели и ориентиры ее развития, критерии научности психологического знания, соотношение его естественнонаучной и гуманитарной составляющих и др. Прослеживается эволюция конкретных областей психологического знания, таких как социальная психология, когнитивная психология, психология восприятия.

Книга предназначена для всех, кто интересуется методологическими проблемами психологической науки и перспективами ее развития.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-06-16069д*

© Институт психологии Российской академии наук. 2009

ISBN 978-5-9270-0152-1

Часть II
СЛАГАЕМЫЕ ПРОГРЕССА
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

<i>А.В. Юревич</i> ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЕ ТРАДИЦИИ И ПАРАМЕТРЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	153
<i>Н.И. Чуприкова</i> ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ	170
<i>С.Д. Смирнов</i> К КАКОМУ ИДЕАЛУ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ ДВИЖЕТСЯ ПСИХОЛОГИЯ?	186
<i>В.Н. Порус</i> СИСТЕМЫ ОБЪЯСНЕНИЯ И ПРОГРЕСС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ	197
<i>И.Н. Семенов</i> СИСТЕМНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ И ИСТОРИКО-НАУЧНАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК СРЕДСТВА ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИИ	210

Часть III
ПРОГРЕСС КОНКРЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

<i>Г.М. Андреева</i> ИТОГИ СТОЛЕТИЯ (К ВОПРОСУ О ПРОГРЕССЕ В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ)	237
<i>В.А. Янчук</i> ПРОГРЕСС В ПОНИМАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕ- ТЕРМИНИСТСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА	262

ПРОГРЕСС В ПОНИМАНИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНО- ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

В.А. Янчук

Ситуация перманентного кризиса (схизиса и т.п.), в котором находятся социальные науки в целом и психология в частности, сопровождающаяся многократными самоуспокоительными декларациями на различного уровня научных форумах о прогрессивных тенденциях «за отчетный период» (наглядным свидетельством чему является недавно прошедший в Берлине XXIX Всемирный психологический конгресс), не вызывает однозначной уверенности в наличии этого кризиса в реальности. Тем не менее, обозначенная проблема носит во многом судьбоносный характер для поддержания авторитета обсуждаемой области знания как в научном сообществе, так и общественном сознании. Если область научного знания «не прогрессирует», то ее статус становится в общественном сознании сомнительным. Если область знания является специфичной по отношению к конституированным в научном сообществе, то ей приходится прилагать специальные усилия для утверждения собственного права на существование в собрании обладающих таковым научных дисциплин. В силу названных обстоятельств само вынесение проблематики прогресса в психологии на суд научной общественности является мужественным, но и, одновременно, весьма ответственным актом в силу его возможных негативных последствий.

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОГРЕССА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Сегодня можно с достаточной степенью ответственности обсуждать проблему адекватности понятия «прогресс» применительно к научному знанию в целом, что выражается в многочисленных дискуссиях по

данному поводу и наличии диаметрально противоположных оценок. Как отмечает в этой связи А.В. Коротаев, «в западной социологии и социальной антропологии понятие прогресса исчезло практически полностью из академических текстов, но оно, похоже, продолжает достаточно активно употребляться в нашей науке» (Коротаев, 2003, с. 6–7), ссылаясь, в частности, на работы А.П. Назаретяна (1991, 1995). Автор считает, «что это можно только приветствовать, ибо через это понятие в нашу науку (пускай и в скрытом виде) продолжают проникать два очень важных понятия, табуированных в современной науке, пожалуй, в еще большей степени, чем слово прогресс» (там же), имея в виду понятия «добро» и «зло».

Так стоит ли обсуждать проблему научного прогресса в психологии, если и в более устоявшихся и определенных областях науки сложилась такая неопределенность? На мой взгляд, стоит, при условии понимания многозначности и многогранности его содержания, учитывая характер и самого научного знания, включающего в качестве своего агента сообщества ученых, использующих научные методы его производства.

В контексте науки как таковой, включающей различные аспекты, а именно: социальные институты, исследователей, процесс исследования, его методы и научное знание в целом, понятие прогресса может быть определено по отношению к каждому из них. Следовательно, как отмечает I. Niiniluoto, можно выделять различные типы прогресса: экономический (увеличение финансирования науки), профессиональный (рост статуса ученых и их академических институтов в обществе), образовательный (рост умений и экспертных возможностей ученых), в области методов (изобретение новых методов исследования, усовершенствование научных инструментов) и познавательный (рост или развитие научного знания) (Niiniluoto, 2008). Применительно к психологическому знанию этот перечень можно было бы дополнить аспектом человеческим, характеризующим развитие знания о его био-психо-социальной сущности. Причем роль этого человеческого фактора все возрастает не только по отношению к развитию научного познания, но и по отношению ко всему тому, что связано с активностью человека в его взаимодействии с социальным и природным окружением, изучением чего, по идее, и призвана заниматься психология, интегрируя в рамках своего предмета и «душу», и «тело», и все то, что связано с их бытием-в-мире.

«Прогресс» — это аксиологическое или нормативное понятие, которое следует отличать от таких нейтральных описательных

категорий, как «изменение» или «развитие», следовательно, оно должно прояснять ценности и нормы, которые могут быть использованы в качестве конституирующих критериев «настоящей науки». Определение прогресса должно давать нам нормативный стандарт оценки выбора, перманентно совершаемого научным сообществом. «Прогресс» является понятием, предполагающим ориентацию на результат и заинтересованность в успехе в достижении определенной цели. Но если рассматривать науку как предприятие по поиску знания, нельзя однозначно утверждать, что цель ее одномерна. По замечанию Леви, наши цели являются скорее «миопическими», нежели «мессианскими»: конкретная цель, которую мы надеемся достичь в процессе нашего исследования, может быть переопределена «локально» относительно каждой проблемной ситуации. Более того, в дополнение к множественности возможных целей может существовать и множество путей их достижения (Levi, 1985).

Особое место в рассуждениях о научном прогрессе занимает вопрос о его критериях. Традиционные философские теории прогресса предлагают абсолютные критерии, такие как способность решать проблемы или приближение к истинному знанию (*truthlikeness*), применимые ко всему развитию научного мышления на протяжении его многовековой истории. При внешней обоснованности и логичности данных критериев сложности возникают с определением степени решенности и решаемости проблем, а еще большие — с приближением к истинности знания, оценка которого, в свою очередь, является не менее дискуссионной проблемой хотя бы в контексте наличия многочисленных концепций истины (дескриптивная, доксихеская, когерентная, корреспондентная, прагматическая, феноменологическая и др.).

Подходы к оценке способности теории решать проблемы, равно как возможности ее приближения к «истинному знанию», существенно менялись в культурно-историческом контексте. Поэтому для понимания прогресса в научном познании, на мой взгляд, полезно обратиться к понятию «культурно-научная традиция», использование которого помогает оценить динамику представлений о мироустройстве на протяжении эпох. Эти представления актуализируются в индивидуальном и общественном сознаниях в виде конкретных знаний о сути наблюдаемых процессов и явлений и способах обращения с ними. В целом можно говорить о том, что *культурно-научная традиция* представляет собой, цитируя И.И. Ильина, «многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс философских, эпистемологических,

научно-теоретических и эмоционально-эстетических представлений, ...характеристику определенного менталитета, специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире» (2001, с. 206). С определенной долей условности можно выделить синкретическую, теоцентрическую, модернистскую, постмодернистскую и, в перспективе — пост-постмодернистскую традиции, обоснование и описание особенностей которых уже давалось мною ранее (Янчук, 2005, с. 34–38). Следует отметить, что смена этих традиций в ходе общего прогресса человеческой культуры происходила под влиянием, с одной стороны, осознания исчерпанности их эвристического потенциала, а с другой — появления новых идей, таковым обладающих. Применительно к эволюции психологического познания она может быть проиллюстрирована сменой исследовательских метафор — от биохевиористского стимульно-реактивного «черного ящика» к когнитивистскому «интеллектуальному компьютеру» и т.п.

В контексте обсуждаемой проблемы можно констатировать, что критерии решаемости проблем и приближения знания к истинности соответствуют модернистскому универсализму, подвергнутому жесточайшей критике постмодернистами. Эта критика представлена мною в отдельной работе (Янчук, 2003). Здесь же мне хочется констатировать вполне убедительное обоснование постмодернистами торжества многообразия как двигателя прогресса, воплощенного в форму антиуниверсализма. Обоснованность полезности многообразия для углубления понимания психологической феноменологии ранее была показана мною на примере проблем предмета (Янчук, 2006), метода (Янчук, 2005; 2007) и объяснения (Янчук, 2008). Вполне уместным в этой связи представляется выдвигание в качестве критерия научного прогресса *расширение и углубление представлений о природе и сущности психологической феноменологии, а также создание новых методов и средств, ему способствующих*, приводящих к росту осознания сложности и многополярности объяснений и понимания феномена человека. В контексте обсуждаемой А.В. Юревичем (2008) так называемой технологической парадигмы вполне возможно выдвигание еще одного критерия: *роста технологичности и прикладных возможностей психологического знания и практики*.

Претерпевает изменение и само понимание научного познания. По мнению известного методолога науки В.С. Степина, оно «начинает рассматриваться в контексте социальных условий его бытия и его социальных последствий как особая часть жизни общества,

детерминируемая на каждом этапе своего развития общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Осмысливается историческая изменчивость не только онтологических постулатов, но и самих идеалов и норм познания. Соответственно развивается и обогащается содержание категорий “теория”, “метод”, “факт”, “обоснование”, “объяснение” и т.п.» (Степин, 2000, с. 632). Следовательно, и понимание прогресса или регресса должно также учитывать обозначенный контекст, выходя за рамки одномерной локальности, и дополняться еще и осмыслением роли самого субъекта познания, который традиционно выносится за скобки обсуждения проблемы научного прогресса, но принимает самое непосредственное участие в его осуществлении.

В.С. Степин выделяет три крупные стадии исторического развития науки, сопрягая их с тремя типами рациональности — *классическая рациональность* (соответствующая классической науке в двух ее состояниях — дисциплинарном и дисциплинарно-организованном); *неклассическая рациональность* (соответствующая неклассической науке) и *постнеклассическая рациональность* (там же, с. 633). Отличительной особенностью последней является включение в предмет научного познания не только объекта и средств его изучения, но и субъекта познания. Принципиальное отличие этой стадии развития науки от предыдущих заключается в признании того, что и научное знание в целом (включая естествознание) в существенной степени субъектно и социально детерминировано. Так как субъект научного познания оказывает на него влияние, то оно неизбежно приобретает характер социально-конвенционального, а не объективного в подлинном значении этого понятия, т. е. независимого от исследователя. Изучением же субъекта познания как раз и занимается (или должна заниматься) психология, отражая на своем примере изменения во взглядах на природу внутренней психической активности, проявляющейся в наблюдаемом поведении, на протяжении человеческой истории и тем самым прогрессируя. Сам факт включения субъекта в процесс научного познания в качестве имплицитного элемента уже является косвенным подтверждением прогрессивного влияния психологического знания.

Позиционируясь в определении прогресса в научном познании, считаю возможным констатировать следующее:

1. Обсуждение проблемы прогресса в психологии является полезным, по крайней мере, для отечественной традиции в контексте

рефлексии ее современного состояния, места в мировой системе психологического знания и определения перспектив развития.

2. Понятие прогресса многоаспектно и многомерно, что обуславливает необходимость его дифференцированного рассмотрения в связи со спецификой анализируемых контекстов.
3. Прогресс носит культурно-исторический характер, требуя при вынесении оценочных суждений учета особенностей настоящего в его сравнении с прошлым и с гипотетическим будущим.
4. Критериями прогресса могут выступать расширение и углубление представлений о природе и сущности психологической феноменологии, а также создание новых методов и средств, ему способствующих, наконец, рост технологичности и прикладных возможностей психологического знания и практики.
5. Психологическое знание имеет особый статус в силу его субъектного характера, предполагающего своеобразную «остраненность» в отношении самого себя (понятие, введенное В. Шкловским для обозначения состояния, лишённого эмоциональных блокировок, непредвзятой оценки происходящего) как субъекта и объекта научного познания.

ПРОБЛЕМА ОСОБОГО СТАТУСА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Как уже отмечалось выше, отличительной особенностью психологии является качественная специфичность объекта исследования — одновременно выступающего и объектом и субъектом научного познания. Ранее присущая психологической науке тенденция упорно закрывать глаза на эту субъектность сопровождалась верой в безграничные возможности позитивистской методологии, якобы позволяющей получать объективное универсальное знание, в том числе и о функционировании психики.

Характеризуя отличительные особенности развития психологической науки эпохи модернизма, К. Герген выделяет четыре пересекающиеся предпосылки, лежащие в основании позитивистски ориентированной психологии (Gergen, 1997, p. 19–20):

- 1) вера в познаваемость мира, требующая от каждой дисциплины определения границ поиска и области миропознания, составляющей предмет исследования;

- 2) представление об универсальности свойств мира, предполагающее наличие принципов, возможно, законов, которые могут быть открыты в предмете исследования;
- 3) вера в возможность постижения истины посредством метода, выражающаяся в убеждении, что, используя эмпирические методы и особенно контролируемый эксперимент, можно получить строгое истинное знание о природе предмета исследования и причинных связях, в которые он включен, и что результаты использования такой методологии внеличностны;
- 4) вера в прогрессивную природу исследования, предполагающая, что в результате применения эмпирических методов к предмету психологического исследования мы все больше приближаемся к фундаментальности. Неверные представления устраняются, и мы продвигаемся к установлению надежной, ценностно-нейтральной истины о различных сегментах объективного мира.

Еще более жесткая критика модернистской психологии дается J. Shotter, анализирующим перспективы развития психологии в контексте необходимости изменения позиции и характера психологического исследования, предполагающего переход с позиции отстраненного, «обособленного проверяющего теорию созерцателя, к позиции заинтересованного, интерпретирующего, проверяющего процедуру, включенного наблюдателя»; от «одностороннего стиля исследования к двусторонней интерактивной модели» (Shotter, 1997, p. 58). Он конкретизирует эту мысль следующим образом: «вместо образа (а) «мышления как (пассивного) зеркала природы», (b) «знания как точной репрезентации» и «исследователя как внешнего наблюдателя» предлагается ряд других образов: образ (а) ученого как одного из членов сообщества «действующих вслепую» людей, исследующих собственное окружение, используя стек или другие подобного рода инструменты; (b) для которых знание значимо как средство обращения с ним, познания о происходящем вокруг, коммуницирования друг с другом; и (с) рассматривающих мышление как активно «создающее смыслы» в отношении инвариантных свойств, открываемых при помощи инструментально обеспеченных исследований собственного окружения — изменения с познания посредством «наблюдения за», на познание посредством нахождения «в контакте или соприкосновении с» изучаемым феноменом» (там же).

Конечно, и сейчас в фундаментальной психологической науке по-прежнему доминирует стремление приблизиться к истинному

знанию модернистского толка, в том числе и в области открытия универсальных законов психики. Наглядным свидетельством этому является содержание многочисленных психологических журналов, представляющих бесконечное море результатов локальных экспериментов, ничуть не расширяющих и, тем паче, не углубляющих понимание внутренней природы человека и отнюдь не способствующих прогрессу психологического знания.

Создается впечатление, что история психологии по-прежнему ничему не учит. Не извлекла она уроков из взлета и падения бихевиоризма с его стремлением к открытию универсальных законов поведения и собственно придавшим психологическому знанию позитивистский характер в борьбе с интроспективной субъективностью во имя обретения психологией статуса «чистой академической науки» и добившегося этого посредством популяризации прикладного психологического знания в обществе, формируя в его сознании нереалистичные ожидания в отношении получения универсальных средств решения всех проблем посредством психологических рекомендаций и технологий. Не делает она выводов и из того факта, что в естественнонаучном аспекте практически ничего не дала для прогресса научного познания, заимствуя достижения и исследовательские метафоры из других областей знания. В частности, достижения кибернетики и развитие компьютерной техники привели к так называемой «когнитивной революции» в психологии, использующей метафоры не психологические, а все те же естественнонаучные. Новое дыхание такая традиция «плестись в хвосте» получила в связи с открытием генома и достижениями нейробиологии. Это и послужило основанием для доминирования в ответах 30 крупных европейских психологов на вопросы журнала «European Psychologist» в преддверии XVIII психологического конгресса суждений об огромном влиянии достижений генетики на психологию. В этой связи следует заметить, что достижения генетики отнюдь не связаны с достижениями психологии, которая все еще никак не определится в своем предмете и месте под солнцем, забывая о том, что ее высокий статус в общественном сознании скорее связан с успехами в решении практических проблем, нежели с достижениями академическими. И можно бесконечно доказывать свою приверженность монизму, обвиняя в методологической безграмотности и беспечности плюралистов как идеологических врагов (Соколова, 2006, с. 107), правда, демонстрируя и свою неосведомленность в том, что не менее весомы аргументы дуализма, эмерджентизма и того же онтологического плюрализма (см., например: Янчук, 2005).

более перспективными по сравнению с пока явно безуспешным соперничеством с биологической наукой в ее областях, занимающихся изучением активности мозга.

Этот вывод кажется обоснованным еще и в силу того, что достижения отечественной психологии в западном психологическом сообществе связываются как раз с культурно-историческим подходом (Л.С. Выготский) и идеями диалогизма (М.М. Бахтин). Все прочие достижения отечественной психологии известны очень узкому кругу специалистов и не получили должной представленности за рубежом — факт, бьющий по самолюбию, но легко статистически подтверждаемый при обращении к библиографическим спискам серьезных (и не-серьезных) научных психологических изданий.

Так как и культура, и социальная феноменология сами по себе являются продуктами активности человека, то в обозначенном контексте знаковым является вывод Э. Кассирера о том, что ключом к постижению природы человека является символ: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности — он живет как бы в новом измерении реальности. Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдалается по мере того, как растет символическая активность человека» (Кассирер, 1988, с. 28–29). Еще ранее эта идея была обоснована в работах символических интеракционистов (Кули, Мид, Блумер и др.), показавших не просто символическую опосредованность социальной активности, но и ее интерактивный характер, проявляющийся в том, что значения, определяющие интерпретацию происходящего, конструируются в процессе совместной активности и реализуются в символической форме. Таким образом, психологическая феноменология обладает символической природой, и ее продуктом и содержательным насыщением является культура. Следовательно, и изучаться она должна в контексте культурной интердетерминированности и на иных по сравнению с физической природой методологических основаниях.

Подкреплю изложенное ссылкой на мнение одного из авторитетнейших зарубежных психологов Шоттера, пишущего о том, что психологическая наука должна изменить свою исходную позицию, пересмотрев как исследовательскую процедуру, обязанную включать в плоскость рассмотрения поточность и континуальность феноменологии, так и способы легитимизации обретенного знания, предполагающие изменение отношения к экзистенциальным переживаниям. В более детализированном виде это изменение должно предполагать переориентацию (Shotter, 1997, p. 59):

- 1) от теории к практике, от теоретизирования к практическому обеспечению, инструктивному описанию;
- 2) от заинтересованности в обстоятельствах к заинтересованности в активности и использовании «мыслительных средств» или «психологических инструментов» собственного изобретения;
- 3) от изучения того, что происходит в головах индивидов, к возрастанию интереса к пониманию природы окружения (в большей части социального) и к тому, к чему оно может приводить, что позволяет или чему способствует;
- 4) переход от процедур, используемых кем-либо, к согласованию, диалогу друг с другом;
- 5) от исходной позиции отражения (когда поток взаимодействий приостанавливается) к локальным исходным точкам, вплетенным в исторический поток социальной активности в повседневной жизни;
- 6) от языка репрезентации реальности к его роли как координатора многообразия социальных действий, с его репрезентативной функцией, реализующейся в лингвистически конституированных социальных отношениях;
- 7) от доверия нашему жизненному опыту как основе понимания мира к рассмотрению социальных процессов его конструирования; и, что наиболее важно, от исследования, основанного на фундаменте, исходно принимаемом как авторитетный — провозглашающий приемлемость результатов вне времени, — к образцам исследования, предполагающим возможность коррекции ошибок, обусловленных локальными ситуациями и обстоятельствами.

Очерчивая горизонты психологической науки будущего, Шоттер подчеркивает: «Таким образом, мы уходим от индивидуалистской, третьесторонней, внешней позиции созерцающего наблюдателя, исследователя, коллекционирующего фрагментарные данные с социально

“сторонней” позиции наблюдения за реализующейся активностью, соединяющего пробелы между фрагментами при помощи изобретательного воображения теоретических категорий, к более интерпретационному подходу; уходим от утверждения (конечно, имеющего под собой некоторые основания), что по существу ненаблюдаемые, субъективные сущности, предположительно внутриличностные, все же существуют, к моделям герменевтического изучения; от теоретических к более практическим интересам, связанным с вспомогательными средствами и способами, неизбежно применяемыми нами при проведении исследований» (Shotter, 1997, p. 60).

Осознание проблемы сложности прогрессирования психологического знания в условиях многообразия подходов обуславливает поиск соответствующих механизмов взаимообогащения и взаиморазвития субъектов создания научного знания. Для этих целей представляется полезным привлечение подхода диалогической лингвистической коммуникации М.М. Бахтина. М.М. Бахтин подчеркивает, что «идея интериндивидуальна и интересубъективна. Идея — это *живое событие*, разыгрывающееся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний» (Бахтин, 1994, с. 294). Следовательно, и понимание также носит диалогический характер. Значение не схватывается, не отражается, а формируется и уточняется в диалоге участвующих в процессе взаимного познания и понимания людей, направленного на выработку совместных решений с учетом наличного потенциала участвующих сторон. Без взаимопонимания нет ни взаимообогащения, ни взаиморазвития, достижение которых становится возможным только через диалог и посредством диалога.

Учитывая конвенциональный характер современного знания, оно должно быть диалогическим по своей природе. Это требует изменения исследовательской методологии: от интраспективной (методология первого лица, основывающаяся на самоанализе) через экстраспективную (методология третьего лица, основывающаяся на отстраненном, опосредованном наблюдении) к диалогической (методология второго лица). Последняя предполагает активный, субъект-субъектный характер взаимодействия исследователя и исследуемого, направленного на взаимопрояснение адекватности сформировавшегося поля разделяемых значений. Примерами такого рода диалогических методологий являются нарративная методология, многоголосье и совместные исследования (Gergen, Gergen, 1997, p. 34).

Еще одной прогрессивной тенденцией в развитии психологического знания является осознание его именно интердетерминистского

характера. В первую очередь, это обусловлено тем, что любое объяснение и понимание психологической феноменологии, осуществляемое в системе мультипарадигмальных координат, исходно предполагает взаимодействие и взаимовлияние всех задействованных факторов и систем интерпретаций. В этой связи нельзя оставить без внимания принцип взаимного детерминизма или интердетерминации А. Бандуры, представленный им в одной из наиболее фундаментальных работ XX в. «Социальные основания мышления и действий» (Bandura, 1986), в которой он формулирует основные принципы метатеории человеческого поведения, впоследствии положенные в основание активностной теории человеческого развития, адаптации и изменения (Bandura, 2006). Анализируя известную формулу К. Левина $B = (P, S)$, описывающую поведение как функцию от личности и ситуации, автор обосновывает их отношение взаимозависимости. Применительно к обсуждаемому контексту это означает, что прогресс в понимании психологической феноменологии предполагает акцентирование внимания, наряду с социокультурно-интердетерминированным контекстом, и на личностных особенностях субъектов научного познания, и на характере их активности, находящихся в отношении взаимозависимости или интердетерминации. Такого рода взаимоотношения определяют не только специфику представленного в объяснении упорядочивания психологической феноменологии, но и сформировавшиеся модели объяснения и понимания, а также способы их канализации.

Понимание необходимости выработки критериев оценки адекватности и путей согласования разноголосых объяснений, т. е. их интеграции, приводит к осознанию того, что она становится возможной только в диалоге и посредством диалога, открытого другим голосам. Открытость другим голосам является основополагающим свойством толерантного и плюралистичного сознания, являющегося высшим достижением современной цивилизации, что становится особенно важным для текущего постнеклассического состояния научного знания, характеризующегося включением в предмет рассмотрения его субъекта, являющегося членом сообщества и неизбежно проецирующего его состояние на научное объяснение.

Итак, позиционируясь в отношении статуса научности и прогрессивности психологического познания, отметим следующие основные моменты:

1. Особый статус психологической науки обусловлен ее субъект-объектной ролью в научном познании, проявляющейся в изучении

особенностей самого субъекта научного познания, одновременно пребывающего в качестве его объекта.

2. Прогресс в психологическом познании обусловлен его ориентированностью на использование достижений науки и культуры для углубления понимания внутренней природы человека как субъекта познания и самопознания в их преломлении во взаимодействии с окружающим социальным и природным миром.
3. Магистральная линия прогрессирования психологического знания связана с изучением культурно-исторической динамики развития психологической феноменологии, приводящей к повышению возможностей, оптимизации и гармонизации взаимоотношений человека как социальной сущности в его взаимодействии с окружающим миром.
4. Необходимым условием прогресса в понимании психологической феноменологии является осознание интердетерминистского характера взаимодействия всех определяющих ее уникальность факторов, сопровождаемое формированием конвенционального знания динамического свойства посредством механизма диалога.

СОЦИОКУЛЬТУРНО-ИНТЕРДЕТЕРМИНИСТСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА В ОЦЕНКЕ ПРОГРЕССА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Анализ проблемного поля развития психологического знания, его механизмов и критериев прогресса является предметом научных исследований автора на протяжении последних десяти лет, нашедших свое выражение в ряде публикаций (Янчук, 2000–2008). Исходно этот анализ был направлен на прояснение ряда фундаментальных вопросов, связанных с состоянием современного психологического знания: почему в нем существует многообразие подходов и интерпретаций; почему не находится оснований интеграции психологического знания в целостную систему; почему при наличии множества исследовательских методологий проблемы не находят исчерпывающих решений; наконец, существуют ли возможности и механизмы развития психологического знания в условиях многообразия подходов и решений?

Эти исходные посылки легли в основание разработанного авторского интегративно-эклетического подхода к анализу психологической феноменологии в условиях существующего многообразия традиций (Янчук, 2000; 2001). В его рамках обосновывалась необходимость

достижения природы психологической феноменологии через сопровождаемую критической рефлексией интегративную эклектизацию различных традиций, подходов, логик и инструментов, при сохранении их автономии в последующем развитии.

Суть подхода заключается в многоплоскостном, полилинейном, разновекторном анализе, создающем возможность качественно иного «инсайтирования», предполагающего включение в плоскость анализа аспектов множественности, диалогичности, диатропичности изучаемого феномена. Способность встать на позицию оппонента, включение в конкуренцию идей, критическая рефлексия, критическое позиционирование предоставляют возможность острого анализа, превращающегося в еще один «вечный двигатель» прогресса знания. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополизированию истины со всеми вытекающими последствиями, а именно о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивно работающими в проблемной области традициями и их инструментарием. В рамках подхода обосновывается необходимость смены одномерной логики или/или, верно/неверно, лежащей в основании классической рациональности, на постнеклассическую многомерную логику и/и, создающую основания для диалога и объединения ресурсов всех участвующих сторон на пути углубления представлений о природе и своеобразии психологической феноменологии.

Методологический фундамент интегративной эклектики составляют понятия поливариантности истины, онтологического плюрализма, диалогичности и диатропичности (Янчук, 2001, с. 312–313). Интегративная эклектика предполагает привлечение к анализу находок и достижений тех традиций, тех подходов, которые наиболее продуктивно работают в конкретной феноменальной области с последующей возможностью диффузии инсайтов и идей, их критической рефлексии через альтернативное позиционирование, способствующее преодолению парадигмальной и авторской предубежденности, и на этой основе — продвижения к более глубокому постижению исследуемого феномена, переходу на более высокий уровень обобщения за счет рассмотрения теоретических построений разных порядков сложности.

В дескриптивной концепции истины процесс установления истинности рассматривается как особый тип философской рефлексии над результатами сравнения разных видов знания и практики, традиций и типов рациональности, разных мнений и проблем в том «свободном пространстве» поиска интегрального гносеологического процесса.

когда плюрализм истинных результатов сочетается с осознанием их ограниченности и условий дополняемости (Касавин, 1990). В этой интерпретации истины представлен тезис гносеологического плюрализма. Применительно к развитию психологического знания подобная рефлексия, осуществляемая через равноправный диалог альтернативных традиций, свободных от предубеждений друг относительно друга, приводит, во-первых, к преодолению доминанты абсолютной истины собственных предпочтений, во-вторых, к рефлексивной идентификации с правомерными рассуждениями партнера, наконец, в-третьих, к нахождению точек соприкосновения и пересечения подходов и позиций, создающих возможность совместной проработки идей и решений на более продуктивном диалогическом основании.

Онтологический плюрализм предполагает возможность существования разных типов реальности, что уже само по себе освобождает воображение исследователя от сковывающих рамок одномерности. Признание наличия разных реальностей (биологическая, символическая и рефлексивная как базовые), отличающихся качественно и требующих разных исследовательских методологий, создает основания для, во-первых, обсуждения вопросов их соотношения и сопряжения друг с другом; во-вторых, разграничения круга и компетенции исследуемых аспектов при обсуждении их соотношения с целым — социальным бытием личности и ее окружения, в-третьих, рассмотрения вопросов концептуально-критериальных оснований научности и их возможных вариаций применительно к исследуемым типам реальности в связи с их спецификой.

Диалогика (Библер, 1991) обосновывает необходимость привлечения разных логик к процессу глубинного постижения психологической феноменологии. Диалог разных традиций, разных взглядов и подходов, их инструментальных ресурсов способствует расширению горизонтов видения и изучения проблемных областей, преодолению парадигмальной и личностной предубежденности, нахождению новых решений и перспектив развития.

Наконец, диатропика (Чайковский, 1990) предоставляет фундамент многообразия форм существования и проявления жизни. Диатропика парадигмальных координат, культурных и субкультурных миров, наконец, индивидуальных миров личности и ее окружения позволяет создать необходимые основания для определения оптимального соотношения идиографии и номотетики в психологическом исследовании, признания уникальности индивидуальности столь же значимой, как и человеческой природы вообще.

Интегративная эклектика предлагает механизмы развития психологического знания, в качестве которых выдвигаются парадигмальное позиционирование, интегративно-эkleктический диалог альтернативных традиций и критическое рефлексивное позиционирование (альтернативный круг).

Парадигмальное позиционирование предполагает четкое определение исходных позиций, которых придерживается исследователь, включающее определение онтолого-эпистемологических оснований, способа теоретизирования и метода исследования с фиксацией их возможностей, ограничений и сферы экстраполяции результатов. Оно позволяет налаживать продуктивный межпарадигмальный диалог, освобождая оппонентов от необходимости доказательства того, что предлагаемый подход является единственно верным и универсальным. Позиционируя подход, констатируя его потенциал и ограничения, исследователь получает возможность свободного соотнесения собственной позиции с позицией оппонента, при принятии правомерности наличия таковой, как обусловленной исходно выбранной системой исследовательских координат.

Интегративно-эkleктический диалог альтернативных традиций предполагает максимальное использование его возможностей: он позволяет расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению избранного проблемного поля. Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания оппонента и налаживания продуктивного взаимодействия с ним, подчиненное общей цели – углублению представлений о сути изучаемого и обсуждаемого феномена, нахождению путей и способов сотрудничества.

Подтверждением возможности и полезности такого рода межпарадигмального диалога альтернативных традиций является обоснованный Л. Лауданом философский принцип разрешения разногласий: «...разногласия о фактическом следует разрешать на методологическом уровне; методологические расхождения следует улаживать на аксиологическом уровне» (Лаудан, 1996, с. 313). Отмечается она и Первиным, одним из ведущих персонологов современности, подчеркивающим: «Вместо того, чтобы рассматривать клинический, корреляционный и экспериментальный подходы как конкурирующие, мы можем расценивать их как взаимодополняющие пути получения новых инсайтов о поведении человека, каждый из которых потенциально информативен для другого» (Pervin, 1996, p. 310).

Критическое рефлексивное позиционирование, реализующееся через рефлексивную идентификацию с альтернативными позициями, создает основание для расширения горизонтов видения проблемной области, снижения парадигмальной и личностной предубежденности, фиксации исходных парадигмальных координат и связанных с ними ограничений. Рефлексивное позиционирование создает предпосылки для острого взгляда на выстроенную объяснительную версию, преодоления эмоциональных блокировок, связанных с влиянием собственных исследовательских приоритетов, наконец, эмоций и чувств в отношении окружающих людей как носителей соответствующего знания и занимающих определенную исследовательскую позицию.

Эти механизмы реализуются в ряде необходимых условий, обеспечивающих повышение потенциала продуктивности научного исследования:

- Четкое определение парадигмальных координат, в рамках которых проводится исследование, связанных с ними возможностей и ограничений в экстраполяции результатов.
- Создание максимально полной информационной базы теоретической и эмпирической проработанности проблемной области в разных системах парадигмальных координат при наличии таких возможностей и претензий на более высокий уровень обобщений.
- Прохождение критического рефлексивного круга альтернативного позиционирования как условие раздвижения парадигмальных рамок и освобождения от предубежденности и перехода на метатеоретический уровень более высокого порядка.

Идеи изложенного подхода позволили произвести инвентаризацию состояния современного психологического знания на уровне основных конституированных систем парадигмальных координат. В основу рассмотрения положено авторское определение парадигмы как «коллективно сформированного на основе конкретных мета-теоретических и онтолого-эпистемологических оснований научного психологического мировоззрения в отношении изучаемой феноменологии, признаваемое и разделяемое психологическим сообществом на протяжении относительно продолжительного временного периода, включающего согласованный ряд основоположений в отношении описания и объяснения следуемой феноменологии, способов и критериев доказательства научности полученного знания, его верификации, методов и процедур исследования» (Янчук, 2005, с. 71). Этот анализ

осуществлен посредством специально разработанных инструментов и критериев (там же, 88–95). Применение авторской концептуально-критериальной оценочно-сравнительной матрицы соотнесения парадигмальных координат (Янчук, 2005, с. 94) позволило показать, что различия в них носят онтолого-эпистемологический характер, не позволяющий говорить о возможности их системной интеграции в гипотетическом будущем. В то же время показано, что каждая из них обладает своим специфическим видением и интерпретацией различных аспектов психологической феноменологии, позволяющими охватить те грани и особенности, которые не доступны с позиций других парадигмальных координат. Межпарадигмальный же диалог создает условия для взаимообогащения и взаиморазвития, в частности, предоставляя основания для размышлений и попыток изучения в собственных рамках достижений друг друга, тем самым выступая в качестве вечного движителя прогресса психологического познания.

Именно качественная гетерогенность природы психологической феноменологии и ее проявлений и ее представленность в мультипарадигмальной системе координат была заложена нами в авторское определение предмета психологического знания как «бытия-в-мире самости как био-психо-социальной социокультурно-интердетерминированной диалогической сущности во взаимодействии с социальным и физическим окружением в осознаваемо-неосознаваемо-экзистенциальном измерении» (Янчук, 2006, с. 204). Обозначенный трехмерный континуум и должен задавать рамки психологического объяснения и понимания, предполагающего нахождение согласований, создающих относительную определенность (упорядоченность) в само- и мироотношении. Такого рода качественная разноприродность требует и особого типа объяснения психологической феноменологии, предполагающего, *во-первых*, исходную толерантность, плюралистичность и рефлексивность сознания исследователя; *во-вторых*, процессуальность; *в-третьих*, социокультурную интердетерминированность и конструируемость; *в-четвертых*, сосуществование качественно разнородных природ; *в-пятых*, экзистенциальную бытийность; наконец, *в-шестых*, механизмов особого типа интеграции как представлений о них, так и знаний, накопленных в альтернативных традициях и подходах.

Как отмечалось нами ранее, решение такого рода задачи предполагает наличие и иного типа логики — диалогической, выдвигающей в качестве альтернативы классическому «или/или» диалогическое «и/и», при котором альтернативные подходы начинают рассма-

триваться не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие (Библер, 1991). Задачей же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного междисциплинарного и междисциплинарного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие, углубление понимания психологической феноменологии и актуализацию полученного знания в целях повышения продуктивности человеческого фактора прогресса.

В соответствии с развиваемым мною социокультурно-интердетерминистским диалогическим подходом такого рода углубление понимания психологической феноменологии становится оптимальным при соблюдении следующих условий:

- плюралистичности и толерантности по своей сути, реализующейся в исходном осознанном принятии факта возможности и полезности существования альтернативных объяснений природы анализируемых феноменов;
- согласованности исходных онтолого-эпистемологических оснований, определяющих отношение к наиболее фундаментальным вопросам, связанным с познаваемостью изучаемой и объясняемой реальности, сопровождаемой констатацией совпадения и рассогласования позиций;
- социокультурной интердетерминированности, выражающейся в признании взаимовлияния и взаимообусловленности всех факторов, присутствующих в процессе функционирования изучаемого феномена;
- диалогичности, проявляющейся в способности созидать совместное знание с учетом индивидуальных и культуральных различий, основанной на логике взаимообогащения и взаиморазвития.

Внедрение подхода в методологическом аспекте предполагает прояснение ряда связанных проблемных областей: теоретического доказательства и метода исследования. Становятся очевидными ограниченность эксплицитно-структурированного доказательства (основывающегося на необходимости эмпирического подтверждения любого элемента теории) и необходимость повышения роли имплицитно структурированного доказательства (основывающегося на меньшей зависимости от эмпирического подтверждения и акцентировании на логической последовательности и непротиворечивости, убедительности и принятии заинтересованным и квалифицированным читателем) (Franklin, 1982; Янчук, 2000; 2005). В области

метода исследования осуществляется поиск оптимального сочетания возможностей количественных и качественных методов, примером чего является методологическая триангуляция и ее авторская модификация — интегративная эклектика путем триангуляции (Янчук, 2000, с. 321–331).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая размышления над проблемой научного прогресса в психологии, сошлюсь на высказывание одного из крупнейших психологов современности А. Бандуры, который в своем анализе перспектив прогресса в психологии пишет: «Психология является одной из дисциплин, уникальным образом охватывающих сложное взаимодействие биологических, интраличностных, межличностных и социоструктурных детерминант человеческого функционирования. Как основополагающая дисциплина, она особенно хорошо подходит для продвижения понимания интегрированной био-психо-социальной природы людей и того, как они активно формируют мир вокруг самих себя и управляют им. Сегодняшний мир ускоренных социальных, информационных и технологических изменений с мгновенным коммуникационным доступом к ним обеспечивает людей расширенными возможностями приносить собственное влияние в события, влияющие на их жизнь. Осуществление индивидуальной и коллективной активности приносят все больший вклад практически во все сферы жизни: в развитие человека, его адаптацию и изменения. На более широком социальном уровне изменения в научных представлениях концентрируются на том, как включить эти активностные человеческие возможности способами, формирующими лучшее и более жизнеспособное будущее» (Bandura, 2006, p. 176).

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев: Наукова думка, 1994.
- Библер В.С.* От наукоучения — к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1991.
- Дильтей В.* Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996.

- Ильин И.И.* Постмодернизм: Словарь терминов. М.: Интрада, 2001.
- Касавин И.Т.* О дескриптивном понимании истины // *Философские науки*. 1990. № 8. С. 64–74.
- Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // *Проблема человека в западной философии*. М.: Наука, 1988. С. 28–29.
- Кортаев А.В.* Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: «Восточная литература» РАН, 2003.
- Лаудан Л.* Наука и ценности // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Учебная хрестоматия*. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. С. 61282.
- Назаретян А.П.* Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. М.: Недра, 1991.
- Назаретян А.П.* Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. Синергетика социального прогресса. М.: Наследие, 1995.
- Соколова Е.В.* Апология системного монизма // *Вопросы психологии*. 2006. № 4. С. 15–23.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Философия культуры. Становление и развитие / Под ред. М.С. Кагана, Ю.В. Перова, В.В. Прозерского, Э.П. Юровской.* СПб.: Лань, 1998.
- Чайковский Ю.В.* Элементы эволюционной диатропики. М.: Наука, 1990.
- Шоттер Д. М.М.* Бахтин и Л.С. Выготский: интериоризация как «феномен границы» // *Вопросы психологии*. 1996. № 6. С. 107.
- Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // *Вопросы психологии*. 2001. № 5. С. 5–18.
- Юревич А.В.* Перспективы парадигмального синтеза // *Вопросы психологии*. 2008. № 1. С. 3–15.
- Янчук В.А.* Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклектический подход. Минск: Бестпринт, 2000.
- Янчук В.А.* Интегративная эклектика // *Всемирная энциклопедия: философия*. М.: АСТ; Минск: Современный литератор, 2001. С. 312–313.
- Янчук В.А.* Психология постмодерна // *Время как фактор изменений личности. Сборник науч. трудов / Под ред. А.В. Брушлинского, В.А. Поликарпова*. Минск: ЕГУ, 2003. С. 175–201.

Часть III. Прогресс конкретных областей психологического знания

- Янчук В.А.* Эволюция социально-психологического знания: от модернистского монолога к постмодернистскому диалогу // Социальная психология XXI столетия / Под ред. В.В. Козлова. Ярославль, 2005. Т. 2. С. 324–329.
- Янчук В.А.* Введение в современную социальную психологию. Минск: АСАР, 2005.
- Янчук В.А.* Эволюция метода социально-психологического исследования: от модернистской экстраспекции к постмодернистской диалогической методологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова (гл. ред.), И.Н. Корицкого, В.В. Козлова, В.А. Мазилова. Ярославль: МАПН, 2005. С. 398–410.
- Янчук В.А.* Постмодернистский, социокультурно-интердетерминистский диалогизм как перспектива позиционирования в предмете психологии // Методология и история психологии. 2006. Т. 1. С. 193–206.
- Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива метода психологического исследования // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Выпуск 1. С. 207–226.
- Янчук В.А.* Постмодернистская социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива объяснения в психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3. Выпуск 1. С. 195–209.
- Янчук В.А.* Методология, теория и метод в психологическом исследовании. Минск: АПО, 2008.
- URL = <http://www.academy.edu.by/details/personnel/yanchuk.htm>.
- Bandura A.* Social Foundation of Thought and Action: A Social Cognitive Theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1986.
- Bandura A.* Toward Psychology of Human Activity // Perspectives on Psychological Science. 2006. V. 1. № 2. P. 164–179.
- Franklin C.W.* Theoretical perspectives in social psychology. Boston: Little, Brown and Company, 1982.
- Gergen K.J.* Toward a postmodern psychology // Psychology and postmodernism / Ed. by S. Kvale. London: Sage Publications, 1997. P. 17–30.
- Gergen K.J., Gergen M.M.* Toward a Cultural Constructionist psychology // Theory and Psychology. 1997. V. 7. P. 31–36.

В.А. Янчук. Прогресс в понимании психологической феноменологии

Levi I. Messianic vs. Myopic Realism // PSA 1984, v. 2 / Ed. by P.D. Asquith, P. Kitcher. East Lansing, Michigan: Philosophy of Science Association, 1985. P. 617–636.

Niiniluoto I. Scientific Progress // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Fall 2008 Edition) / Ed. by N. Zalta. 2008.

URL — <http://plato.stanford.edu/archives/fall2008/entries/scientific-progress/>

Pervin L. Personality: View of the Future Based on a Look of the Past // Journal of Research on Personality. 1996. V. 30. P. 300–318.

Shotter J. “Getting in touch”: The meta-methodology of a postmodern science of mental life // Psychology and postmodernism / Ed. by S. Kvale. London: Sage Publications, 1997. P. 58–72.